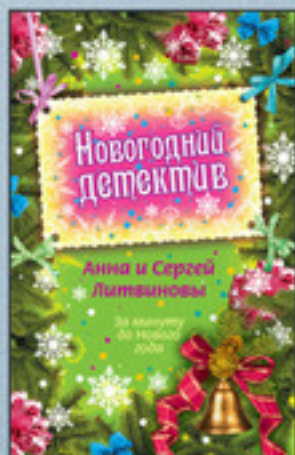

Анна и Сергей Литвиновы

За минуту до Нового года

*Часть сборника
За минуту до Нового года
(сборник)*

Анна и Сергей Литвиновы
За минуту до Нового года

«ЭКСМО»

2009

Литвиновы А.

За минуту до Нового года / А. Литвиновы — «Эксмо», 2009

«Новый год для меня теперь пуст. И новогодней елки я больше никогда не увижу. Могу лишь вспоминать их – все, что были в моей жизни. Скромнягу с елочного базара, искрящиеся серебром кремлевские державные деревья, крошечную, не больше сигаретной пачки, искусственную елочку...»

© Литвиновы А., 2009

© Эксмо, 2009

Анна и Сергей Литвиновы За минуту до Нового года

Новый год для меня теперь пуст.

И новогодней елки я больше никогда не увижу. Могу лишь вспоминать их – все, что были в моей жизни. Скромнягу с елочного базара, искрящиеся серебром кремлевские державные деревья, крошечную, не больше сигаретной пачки, искусственную елочку... Она была у меня давно, еще в школе. Уже в начале декабря я вытаскивала ее с антресолей и ставила на письменный стол. То и дело отрывалась от уроков, поглядывала на деревце и улыбалась. Тому, что приближается Новый год, а значит, и каникулы.

Но теперь мне остались одни воспоминания. И запахи. Аромат хвои наполнит легкие, елочные иголки зашекочат руку... Я могу на ощупь определить размер елки и форму. И даже сказать, что в этом году она удалась на славу – стройная, свеженькая, почти под потолок. Но все это – словно салат без заправки, яхта без парусов, машина без двигателя. Потому что я никогда не увижу, какими цветами мерцают елочная гирлянда. И как в ее свете хвоя кажется то насыщенно-зеленой, то седой, будто борода Деда Мороза...

Я всеми силами стараюсь смириться и не роптать. Все равно ведь ничего не поделаешь. Но до чего же обидно не участвовать в новогодней суете, а лишь слышать о ней. И *не видеть* – не только елки, но и нового платья, и даже собственного лица в зеркале...

* * *

Загадай она любое другое желание – и Павел бы костюми лег, чтобы его исполнить. О чем обычно грезят двадцатилетние девушки? Новое платье, колечко с бриллиантом, заграничное путешествие?

Но Ангелине все это было не нужно.

Ангелинка, его мечта, его радость – и его боль...

Павлик влюбился в нее, кажется, еще в первом классе. Что за девчонка! Светленькая, зеленоглазая, стройная. Да еще и умница настоящая. Училась, правда, обычно – зато как рисовала! Пара минут, два-три штриха – и портрет готов. Сходство изумительное. К тому же всегда старалась, чтобы своим рисунком не обидеть. У нее даже противная химичка получалась симпатичной. Несмотря на свой нос крючком и огромную бородавку.

Геля вообще была доброй. Павел в их классе почти изгоем считался – очкарик, тихоня, драться не умел и жил в коммуналке. Но Гелечка всегда ему и улыбнется, и волосы в шутку взъерошит, и провожать себя позволяла, хотя над ней и посмеивались: зачем, мол, водишься с каким-то слизнем?

И Павлик так и не понял – она привечала его потому, что знала? Знала всегда, что годом раньше, годом позже, но неизбежно ослепнет? И просто готовила его как запасной для себя аэродром?

Или все-таки он ей нравился? Хотя бы немного, пусть как друг?..

Но в любом случае: не потеряй Ангелина зрение, их пути разошлись бы навсегда. Она упорхнула бы в яркую, насыщенную жизнь, наполненную вернисажами, перформансами и прочими светскими мероприятиями. А он только бы следил за ее успехами. Издалека, как и положено скромному труженику офиса, безнадежно влюбленному в звезду.

Но только стать звездой Ангелине не удалось.

* * *

И опять пробили куранты. И дом, одновременно с гимном, взорвался криками «ура», во дворе загрохали петарды. А я все повторяла и повторяла, про себя, конечно, свое единственное желание. Растворилась в нем... И даже вздрогнула, когда почувствовала на руке тепло Павлушкиной ладони. Боже мой, опять Павлик. Человек, которого я когда-то терпела из одной жалости. И кто теперь оказался моим единственным собеседником.

– С Новым годом, Паш, – с трудом оторвалась я от своих мыслей.

Получилось сухо, но Павлушка давно уже привык, что с ним я не церемонюсь. Не играю в героиню. Не притворяюсь ни счастливой, ни сильной. Чему мне радоваться? Это у других сегодня праздник, а у меня очередной беспросветный, темный день. День – как ночь.

– Ты опять... загадала это? – тихо спросил Павлуха. – Чтобы поправиться?..

– Нет, – усмехнулась я. – Я хочу колье из бриллиантов.

И кожей, всем телом почувствовала его неуверенную улыбку. И услышала недоуменное:

– Правда?..

Никогда он меня не поймет.

– Господи, нет, конечно, – вздохнула я. – За каким дьяволом мне бриллианты, если я все равно их не увижу?

Сейчас Пашка, конечно, станет меня утешать. Говорить все эти пустые слова: что жизнь пока не кончена. И я могу наслаждаться многим: обществом друзей, хорошей музыкой, вкусной едой...

Но Павлик (неужели он тоже загадал желание – стать мудрей?) неожиданно произнес:

– Послушай, Геля... Ты знаешь, кто такой Петр Мухин?

– Понятия не имею, – буркнула я.

– Да ты что? – возмутился Паша. – Это ж известный олигарх! Половину московских заправок под контролем держит! Да еще и не женат – за ним все московские красотки охотятся! И даже Наоми Кемпбелл. И эта, как ее... Кина Танделаки... Ну, ты и темная...

– Темная – это да, – вздохнула я.

И опять прямо физически почувствовала, как несчастный парень покраснел. И зачем, интересно, я его мучаю?.. Ну, слово выбрал неудачное – а по сути-то Пашка прав. Я действительно темная. Не только в плане зрения – во всех смыслах. Хотя времени и полно, телевизор я почти не включаю, радио не слушаю. Ну, неинтересна мне светская хроника! Сама я бы за олигархом поохотилась, а собирать чужие сплетни не хочу.

– Ладно, Павлуша, не страдай, – миролюбиво произнесла я. – Так к чему ты про Мухина речь завел?

– Я... я, понимаешь, не хотел тебе говорить, пока все точно не решится... но сегодня ведь Новый год. А ты расстроенная совсем...

– Ну?

– Короче, еще в декабре я прочитал, что у Мухина, помимо прочих фирм, есть свой фонд благотворительный. Серьезный такой: с офисом, куча людей в штате. Оплачивают операции, в том числе и за границей. Рассматривают все обращения. И помогают, заметь, не только детям.

Мое предвкушающее настроение испарилось бесследно.

– Ох, Павлик, опять двадцать пять, – пробормотала я. – Я тебе тысячу раз уже говорила: эти благотворители – они только за верные случаи берутся. Если какая-нибудь тетя Клава без операции стопроцентно умрет. А мне-то с какого перепуга помогать? У меня ж не рак. А жизни слепота никак не угрожает.

– Не таракти, – перебил меня Паша.

– Чего-чего?

– Встречался я уже с Мухиным. С самим лично.

– Ты?!

– А что, ничего сложного. Он всех принимает, если по записи и документы на руках. А я ж ксерокопии с твоих справок давно поснимал... И фотографию твою ему показал.

Паша сделал паузу. Ох, можно и не видеть, но чувствовать, как мальчик сейчас просто лопается от гордости.

– И что... сказал Мухин? – Мой голос, кажется, дрогнул.

– Что ты очень красивая, – тихо произнес Паша. – И что ему тебя искренне жаль. И он обязательно постарается помочь... При первой возможности.

– Благодарим за обращение в наш фонд, однако в настоящий момент ваша просьба не может быть удовлетворена, – горько произнесла я.

– И еще Мухин просил, – спокойно продолжал Павлик, – чтоб ему этот твой немецкий профессор написал. Ну, про перспективы, как проходит операция и сколько она стоит...

– А, считай, он тебя послал, – отмахнулась я.

Фонды – они помогают только тем, кому помочь можно. А мой диагноз – пигментный ретинит – считается приговором. Возьми любой справочник, спроси даже самого продвинутого профессора и получишь ответ: ретинит – *неизлечимое наследственное заболевание, в настоящее время ни терапевтическим, ни хирургическим методам лечения не поддается.*

Встречаются, конечно, и шарлатаны – всех уровней и мастей, – кто самонадеянно берется исцелить. И я к некоторым из таких ходила, а верный Павлик безропотно оплачивал консультации. Но только даже мне, с моим не самым огромным жизненным опытом, хватило ума, чтоб понять: не исправишь органическое поражение зрения никакой лекарственной травой. И уж тем более не помогут магические заклинания.

И только единственному человеку – профессору Штайну из Мюнхенской экспериментальной клиники – я поверила. Хотя тот, в отличие от магов с целителями, громких обещаний не давал. В первом же письме (мне читал его Павлик) написал, что на собственные глаза я рассчитывать уже не могу. Никак. Единственное, что возможно – имплантировать ретинальный протез. Микрочип, воспринимающий свет и передающий информацию нервным волокнам. Однако метод этот – абсолютно неопробованный, клинические испытания только в самом начале. И еще крайне дорогостоящий. Под миллион евро...

И я долго надеялась, что мне удастся раздобыть этот злосчастный миллион. Однако редкие из оставшихся друзей только сочувственно повздыхали, но никто и рублем не помог (да и откуда у моих ровесников деньги?). На мое письмо в Минздрав даже ответа не пришло. Да и от бесчисленных фондов толку оказалось мало. С порога, конечно, не посылали, притворялись, что сочувствуют, только ни один из них ничего путного не предложил. Даже на обследование поехать. Они ведь, хоть и благотворители, а деньги считают четко. Куда проще (и эффективнее в плане пиара) спасти за сто тысяч евро жизнь умирающему ребенку, чем возвращать за сумасшедшие деньги зрение мне. Как сказала очередная чиновница: «В России – слепых сотни тысяч. И никто не жалуется».

И этот олигарх – он тоже, конечно, ничего не сделает.

...А Павлик все что-то говорит и говорит.

– Так я напишу этому твоему профессору? Попрошу его связаться с Мухиным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.